

С. В. Алексеева

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ РУСИ
В КНЯЖЕСКИХ УСОБИЦАХ ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XV в.
ИСТОРИЯ ГАЛИЧА МЕРЬСКОГО И ГАЛИЧСКОЙ ЗЕМЛИ**

Борьба за великокняжеский престол на Руси между Василием II и его дядей Юрием Дмитриевичем, а затем между двоюродными братьями Василием Косым и Дмитрием Шемякой приняла характер перманентных междоусобных войн, продолжавшихся почти всю вторую четверть XV в. Эти затяжные усобицы показали незавершенность объединительного процесса на Руси. Во многом основой для политических коллизий послужили региональные особенности развития территорий в конце XIV—начале XV вв. Ряд городов и земель Северо-Восточной и Северной Руси выступили союзниками мятежных галичских князей, стали их экономической и военной базой. Население, опираясь на традиции общинного самоуправления и на представления о политической самостоятельности своих земель от Москвы, оказалось готовым к участию в противоборстве двух семейных линий московского княжеского дома Даниловичей.

В ходе княжеских усобиц Галич стал основной базой династии местных князей, выступавших против великого князя Василия II. Юрий Дмитриевич и его сын Дмитрий Юрьевич Шемяка оценили географическое положение города, его мощную, выгодно расположенную крепость и верность земского ополчения.

Галич Мерьский, один из древнейших городов Владимиро-Суздальской земли, был впервые упомянут в летописи в 1237 г. во время монголо-татарского нашествия¹. В. Н. Татищев связывал основание Галича со строительной деятельностью Юрия Долгорукого².

© С. В. Алексеева, 2009

Археологические исследования середины XX в. подтвердили предположение о существовании города в XII в.³ А. Г. Авдеев считал, что Галич был основан Юрием Всеволодовичем одновременно с Костромой с целью создания единой линии обороны на путях, ведущих вглубь Ростово-Суздальской земли⁴.

Вслед за В. Н. Татищевым, исследователи отмечали схожесть названий южнорусских и северо-восточных городов Галича и Звенигорода⁵. А. И. Некрасов объяснял это ходом колонизации: «Из Галиции пришли первые поселенцы в далекое Костромское Заволжье и основали здесь Галич. Любопытно, что из тех же почти мест пришли другие поселенцы, но взяли себе иной путь, несколько западнее, основав Звенигород близ Москвы. Но историческая судьба сложилась так, что в дальнейшем жизнь двух городов, Звенигорода и Галича, связалась между собой; но это случилось нескоро, лишь в XIV–XV вв.»⁶.

Название города Галич Мерьский указывает на то, что исконными жителями этой местности были финно-угры⁷. П. П. Смирнов и А. М. Сахаров видели в древнем Галиче «центр» или «опорный пункт славянской колонизации»⁸. Мерянское население стало еще одной чертой, объединяющей раннюю историю Галичской и Звенигородской земель⁹.

Путями славянской колонизации Галичский край был связан с Новгородом¹⁰. Из Новгорода словене могли продвигаться через Бежецкий Верх и Обонежье по р. Сухоне, Вычегде и Югу к Галичскому озеру¹¹.

В 1995 г. экспедицией А. Г. Авдеева был обнаружен словенский некрополь XI–XII вв. на горе Балчуг¹². Е. А. Рябинин писал: «Однако расширение новгородских владений на Костромское Поволжье не увенчалось успехом и было прервано деятельностью ростово-суздальских князей, утвердивших власть в крае созданием на магистральных путях северо-западного проникновения „низовских“ городов-крепостей Костромы и Галича Мерьского»¹³.

Образование самостоятельной Галичской земли большинство исследователей относит к 1247 г., когда Святослав Всеволодович раздавал города своим племянникам, в результате чего Галич и Дмитров достались Константину Ярославичу¹⁴. Е. И. Горюновой было сделано предположение, что именно древний путь по р. Сухоне и Вычегде «обусловил рост такого отдаленного города как Галич Мерьский,

очень рано (1246 г.) становящегося центром удельного княжества»¹⁵. На рубеже XIII–XIV вв. был произведен раздел земли на два самостоятельных княжения — Галичское и Дмитровское¹⁶.

Проблема происхождения и статуса местных галичских князей XIV в. относится к спорным вопросам отечественной историографии. Галич в числе московских владений впервые был назван в духовной грамоте Дмитрия Донского в ряду «купель деда»¹⁷. Однако отсутствие упоминаний в других завещаниях московских князей XIV в. делало неясным положение земли и ее правителей по отношению к Москве.

Присоединение Галича к Москве рассматривалось исследователями в зависимости от их взглядов на проблему «купель» Ивана Калиты¹⁸. Так, справедливо охарактеризовала историографическую ситуацию Л. И. Ивина: «Почти все исследователи сходятся на том, что Галич с подвластной ему территорией попадает в зависимость от Москвы, но степень этой зависимости, время ее установления и характер самого акта „купли“ толкуются по-разному»¹⁹.

Большинством ученых признавалось наличие власти Москвы над Галичем уже со времен Ивана Даниловича Калиты. Н. М. Карамзин предполагал, что Галич вошел не во владения московских князей, а стал частью великокняжеской территории²⁰. С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, Б. Н. Чичерин и А. Е. Пресняков считали возможным сохранение местной княжеской династии вплоть до 1363 г. в условиях существования некоторой зависимости от Москвы²¹. Эти взгляды опроверг В. А. Кучкин, показав, что в 60-е гг. XIV в. под влиянием Орды произошло временное воссоздание самостоятельной княжеской династии Галича в лице князя Дмитрия Борисовича²².

По мнению отдельных исследователей, Галичская земля должна была сохранять на протяжении XIV в. черты независимости в своей внутренней жизни. М. К. Любавский и Ю. В. Кривошеев допускали, что первоначальные связи между Москвой и Галичем имели лишь экономическую основу — выплата дани Орде²³. В. А. Кучкин, считавший, что московским князьям удалось приобрести ярлык на управление Галичской землей, писал: «Таким образом, необходимо признать, что в результате „купли“ Калиты Галич сохранился как определенная территориальная единица. Никакого присоединения к Москве или к Владимиру не произошло»²⁴.

Исследователи часто называли 1363 г. временем окончательного вхождения Галича в состав московских земель, когда Дмитрий Иванович сместил с галичского престола местного князя²⁵, но В. А. Кучкин считал, что это могло произойти и до 1357 г.²⁶

К. А. Аверьянов предложил иначе реконструировать поэтапное присоединение Галича к будущей столице Северо-Восточной Руси. По его мнению, начало этому процессу было положено браком Ивана Калиты и дочери Федора Давыдовича Галичского. Позже на дочери Ивана Федоровича, Галичского князя, женился Андрей Иванович Серпуховской, который смог добиться наиболее высокого статуса среди остальных вотчинников и стать великим князем Галичским²⁷.

Таким образом, большие права на Галич по сравнению с правами Дмитрия Донского имел Владимир Андреевич Серпуховской, получивший за женой также и Дмитров. Серьезный шаг в деле присоединения Галича к Москве, по К. А. Аверьянову, сделал московский князь, когда, «предчувствуя близкую кончину и не имея достаточно земель для наделения своих сыновей, не нашел лучшего, чем отнять у своего двоюродного брата Дмитров и „половину“ Галича»²⁸. В результате этого серпуховская часть галичских владений отошла потомкам Дмитрия Ивановича.

Достаточно смутно представлялась исследователям и генеалогия галичских князей XIV в. Один из убедительных вариантов родословия был предложен В. А. Кучкиным²⁹. Но К. А. Аверьянов попытался доказать достоверность княжеской династии Галича XIV в., представленной в «Летописце Воскресенского Солигаличского монастыря»³⁰. Он соотнес имена галичских князей Летописца с ростовскими князьями и пришел к выводу о том, что «восточная часть Галичского княжества принадлежала представителям ростовского княжеского дома»³¹.

По К. А. Аверьянову, в конце XIV—начале XV вв. в Галичской земле должна была сложиться сложная система владельческих отношений. Князья из галичской династии управляли землей с санкции Москвы, но продолжали сохранять свои владения и ростовские правители. В отличие от исследователей А. А. Преображенского и С. А. Семячко, К. А. Аверьянов признал заслуживающими доверия свидетельства «Летописца Воскресенского Солигаличского монастыря» о событиях XIV—начала XV вв.³² Княжеские усобицы в Галичской земле

он связывал с противостоянием Юрия Дмитриевича и великого князя Василия I Дмитриевича. Галичские князья оказались «сторонниками обоих лагерей», а сильнейший из них — Андрей Семенович — вступил в борьбу за приращение своих территорий³³.

Подводя итоги выводам в отношении истории Галича XIV в., можно признать, что присоединение этой земли к Москве было растянуто во времени. Характер галичско-московской зависимости продолжал оставаться не до конца выясненным вплоть до появления завещания Дмитрия Донского и передачи по нему Галичской земли Юрию Дмитриевичу³⁴. Однако, по концепции К. А. Аверьянова, даже духовная грамота 1389 г. не могла обеспечить полного вхождения этой территории под власть Москвы. Согласно его взглядам, целиком Галичская земля отошла Москве только по духовной Василия Темного³⁵.

Вплоть до второй четверти XV в. город-земля Галич вполне мог сохранять представления о своей независимости от московской великокняжеской власти. В Галичской земле, вероятно, были еще не изжиты черты города-государства. В усобицах времен княжения Василия II ярко проявили себя «галичане» — боевая сила на стороне местных князей.

Положение Галичской земли на границе с нерусскими народами Поволжья и, прежде всего, татарами диктовало необходимость содержания сильного волостного ополчения. А. А. Зимин отмечал: «Галицкая земля была местом беспокойным из-за соседства “черемис” и набегов татар»³⁶.

П. П. Смирнов считал, что галичское ополчение должно было принять участие в походе Дмитрия Ивановича и Дмитрия Константиновича Суздальского на Казань 1375 г.³⁷ С этой экспедицией он связывал укрепление галичских пригородов — Солигалича и Чухломы³⁸. Можно согласиться с предположением местных историков об участии галичских полков в походе Юрия Дмитриевича 1399 г.³⁹

Галич страдал от набегов татар, это вело к постоянной заботе об оборонительных сооружениях города. К началу междоусобных войн Галич должен был обладать хорошей крепостью. Доказательством может служить то, что во время прихода татар на Кострому, Плес и Лух в 1429 г. город и его защитники успешно выдержали осаду⁴⁰.

Вероятно, наличие мощного ополчения, представлений о внутренней самостоятельности, слабость исторических связей с Москвой

позволили Галичской земле по-особому заявить о себе в ходе усобиц второй четверти XV в.

Согласно духовному завещанию Дмитрия Донского 1389 г., Галич отошел его второму сыну Юрию Дмитриевичу⁴¹. Именно в его княжение город стал «главной опорой удельно-княжеской коалиции, ведшей борьбу с московской великокняжеской властью»⁴².

В историографии XX в. сформировалось представление об экономическом могуществе Галича, послужившем основой для сепаратистских выступлений местных князей. Это утверждение впервые было выдвинуто С. Ф. Платоновым⁴³. М. К. Любавский также отмечал плодородие почв в районе озер Галицкого и Чухломского⁴⁴. В советский период, после соответствующей характеристики развития Галича на страницах курса Б. Д. Грекова 1939 г.⁴⁵, тезис о процветании Галичской земли непременно присутствовал в текстах изданий учебной и научной литературы⁴⁶.

Л. В. Черепнин писал: «Крупный ремесленный и промысловый центр княжества, сохранявшего известную экономическую замкнутость, Галич являлся опорой сторонников политической раздробленности»⁴⁷. Под «галичанами» исследователь понимал, прежде всего, горожан, «торгово-ремесленное» население Галича⁴⁸. Для А. М. Сахарова становление Галича было напрямую связано с соляными источниками, а волостные центры Унжу и Соль Галицкую, образовавшиеся около него, он идентифицировал как «промысловые поселения»⁴⁹. Опираясь на мнение об особом укладе Галичской земли, интенсивном развитии там промыслов и торговли, построил свою оригинальную концепцию усобиц второй четверти XV в. А. А. Зимин⁵⁰.

Однако нельзя не признать того, что взгляды на экономическое развитие Галича в советской историографии несли оттенок модернизации и европеизации истории России, в целом характерный для понятия «феодалная война второй четверти XV в.». Исследователи стремились представить Юрия Дмитриевича сильным феодалом, располагавшим богатым уделом и потому способным выступить против центральной власти московских князей.

В конце XX в. чаще стали отмечаться такие черты Галичской земли, как малоосвоенность, скудость, незаселенность. Этому можно найти подтверждение и в духовной грамоте Дмитрия Донского: «А сына своего благословляю, князя Юрия, своего деда куплюю, Галичем,

со всеми волостями, и с селы, и со всеми пошлинами, и с теми селы, которые тягли к Костроме, Микулинское и Борисковское»⁵¹. Л. И. Ивина так комментировала статью завещания: «Характеристика удела сводится к упоминанию волостей и сел только в самой общей форме»⁵². Отсутствие названий конкретных населенных пунктов говорит о слабой хозяйственной освоенности территории.

Еще Б. Н. Чичерин заметил, что «Юрий Дмитриевич получил Галич с селами, которые тянули к Костроме (вероятно, по обыкновению судом и данью)»⁵³. Для В. А. Кучкина это являлось «показателем того, что в 80-х гг. XIV в. Галицкая территория была заселена и освоена слабо»⁵⁴. Исследователь полагал, что села Микулинское и Борисковское должны были представлять «единый комплекс территорий, передаваемых Галичу». Он соотнес их с населенными пунктами в Шачебольском стане Костромского уезда XVII в.⁵⁵

Из анализа договорных грамот Василия II с мятежными князьями можно сделать вывод, что и во второй четверти XV в. продолжилось усиление Галичской земли за счет прибавления к ней костромских территорий. Это могло быть следствием того, что в XIV–XV вв. только начиналось административное оформление границ костромских и галицких владений. Ю. В. Готье писал: «Галицко-Костромской рубеж устанавливался, вероятно, очень медленно и долго оставался неопределенным»⁵⁶. Для образования Галицкого удела Юрия Дмитриевича в 1389 г. Москва использовала великокняжеские костромские земли. В завещании к владениям второго сына Дмитрий Донской прибавил костромские волости Андому, Шиленгу, Корегу, Борок, Березовец с Залесьем⁵⁷.

Широко развернувшаяся в этот период монастырская колонизация — очередное доказательство того, что процесс освоения Галичской земли только набирал силу к концу XIV — началу XV в.⁵⁸ Жития галичских святых позволяют судить о том, как Юрий Дмитриевич поддерживал благоустройство обителей. Под его покровительство попали Успенский Новоезерский и Рождественский монастыри⁵⁹. Настоятелем первой обители стал прославившийся устройением монастырей на Галичской земле Авраамий Галичский, второй монастырь возглавил выходец из галичских бояр Григорий Пельшемский⁶⁰. Согласно выводам А. Г. Авдеева, этим Юрий Дмитриевич преследовал не только хозяйственные интересы, но и заботился о христианизации

края: «...князь галицкий и звенигородский отдал предпочтение местным общежительным обителям, миссионерская деятельность которых была в его глазах очень значимой»⁶¹.

Получив в наследство Галич, князь был обязан отвечать за безопасность главного города земли. Исследователи традиционно относили строительство новой деревянной крепости ко времени княжения Юрия Дмитриевича⁶². П. А. Раппопорт определял время ее возведения как «конец XIV, либо начало XV в., когда начинается укрепление городов северного района в связи с обострившейся борьбой с Казанью. Тогда же в Галиче утверждается новая княжеская династия, происходившая из рода московских князей, но ведшая энергичную борьбу с московскими великими князьями»⁶³. К тому же, В. В. Косточкин замечал, что при строительстве галичской крепости зодчими уже учитывались передовые тенденции того времени, в ее плане отражается стремление к регулярной, четырехугольной планировке, что делает ее похожей на укрепления Звенигорода⁶⁴. Как и в отношении Звенигорода, создание оборонительных сооружений Галича, датируемых приблизительно концом XIV в.—началом XV в., в историографии связывалось с подготовкой Юрия Дмитриевича к мятежу⁶⁵.

Однако К. А. Булдаков считал, что укрепление Галича и Чухломы было проведено правительством Василия II для защиты Руси от татар Казанского ханства⁶⁶. Современный исследователь А. Г. Авдеев на основании археологического изучения Верхнего Городища Галича расширил хронологические рамки строительства крепости города, отнеся его ко времени правления всех трех галичских князей: Юрия Дмитриевича (1389–1434), Дмитрия Красного (1436–1440 гг.) и Дмитрия Шемяки (1440–1450). Им был сделан важный вывод: «Раскопки не подтвердили традиционную гипотезу об однослойном характере этого памятника»⁶⁷.

С самого начала княжеских усобиц резиденцией Юрия Дмитриевича был выбран Галич. Именно туда он бежал из Звенигорода сразу после получения известия о смерти великого князя московского Василия I зимой 1425 г. Город стал основным местом пребывания мятежного князя.

Весной 1425 г. в Галиче Юрий Дмитриевич начал собирать свои военные силы. Исследователи по-разному трактовали летописное свидетельство о том, что Юрий Дмитриевич «розосла по всеи своеи

отчине, по всех людеи своих... снидошася вси к нему изо всех градов его, и восхоте поити на великого князя»⁶⁸. Л. В. Черепнин считал, что князю «удалось собрать значительное количество горожан»⁶⁹. А. А. Зимин представлял ситуацию иначе: «Похоже, что решение принято было с учетом пожеланий всех собравшихся воинов князя Юрия. Созвано было что-то среднее между древнерусским вечем и московским земским собором»⁷⁰. К последней точке зрения присоединились А. Ю. Дворниченко и Ю. В. Кривошеев: «В контексте древнерусских политических традиций видим, что это сбор волостного ополчения, а „все люди“ — это совокупность городского и сельского люда»⁷¹.

В данном случае Галич выступил как центр земли, главный город, куда должны были прийти все ее жители для определения своей позиции в конфликте между местным князем и московской властью. В оказанном Юрию Дмитриевичу доверии можно видеть вечевое решение земли стоять за своего князя. После получения этой поддержки, собрав ополчение, Юрий Дмитриевич выступил в свой первый поход против Василия II.

Зимой 1426 г. в Галич для переговоров о заключении мира прибыл митрополит Фотий. Самым ярким эпизодом этого визита можно назвать встречу митрополита князем и жителями Галичской земли: «А князь Юрьи, слышев то, собра вотчину свою и стрете его з детми своими и з боляры, и с лучшими людьми своими, а чернь всю собравъ из градов своих и волостей, и из сель, и из деревень, и быть их многое множество»⁷². Но святитель посмеялся над вышедшим к нему простонародьем и с презрением ответил, что «не видах столикo народа въ овчих шерстах»⁷³. Далее общерусские летописи прокомментировали высказывание митрополита: «Вси бо бяху в сермягах. Князь бо хотя явитися, яко многы люди имеа, святитель въ глум сих вмени себе»⁷⁴.

Очень коротко, но с иным настроением повествует об этой поездке Фотия в Галич Житие Паисия Галичского: «Того же лета преосвященный Фотий, митрополить Московский, ходил въ Галич ко князю Георгию Димитриевичю и благословиль землю Галическую. Князь же Георгий Димитриевичъ зело возрадовался...»⁷⁵. А. Г. Авдеев увидел в этом фрагменте антимосковскую направленность Паисиевой летописи, лежащей в основе исторических известий Жития⁷⁶. Он считал,

что местная летопись, умалчивая о подробностях, подчеркивала, что «митрополит даровал благословление князю и Галичской земле»⁷⁷.

Большинство историков XIX—начала XX в. оценивали этот эпизод согласно летописям как умышленный шаг Юрия Дмитриевича, направленный на демонстрацию своих сил члену московского правительства⁷⁸.

По мнению С. Ф. Платонова, этот фрагмент позволяет судить о многолюдстве и густонаселенности Галичской земли⁷⁹. П. П. Смирнов выражал сомнения в том, что это была спланированная акция: приезд митрополита мог вызвать любопытство населения. Однако, исследователь не отрицал стремление князя поразить митрополита «количеством собранных крестьян, одетых в овечью шерсть»⁸⁰. А. М. Сахаров утверждал, что навстречу митрополиту вышло городское население: «Юрий Дмитриевич имел опору у своих горожан и не случайно демонстрировал множество их московскому митрополиту»⁸¹.

В данном сюжете Л. В. Черепнин нашел доказательство того, что галичских князей поддерживали не только феодалы, но также посадские люди и крестьяне. Одни старались «помешать проникновению в пределы Галицкого княжества московских феодалов и купцов, которые становились их конкурентами, заводя здесь промыслы и торги», другие ожидали с присоединением к Москве усиления феодального гнета⁸². Также исследователь допускал, что на население могли оказывать влияние «элементы патриархальности», которые сохранились между «жителями местных городов» и галичскими князьями⁸³. Несколько позднее в своей статье Л. В. Черепнин представил эту встречу митрополита с галичанами как активно выраженную позицию горожан: «Если даже видеть в летописном тексте некоторую нарочитость, то все же несомненно участие городского населения Галицкого удела в войне своего князя»⁸⁴.

Ю. А. Кизилев привел этот эпизод в качестве примера распространенности «старой волостной организации в Галичской земле»⁸⁵. Он писал: «Полки галицкого князя Юрия Дмитриевича... вызвали немалое удивление митрополита Фотия своей чисто крестьянской экипировкой и отсутствием привычной для великорусского центра дружино-рыцарской организации»⁸⁶.

А. А. Зимин не сомневался в том, что «Юрий Дмитриевич решил устроить демонстрацию единения всего народа Галицкого княжества

в поддержку их князя»⁸⁷. Он писал: «Галичане в „сермягах“ составляли основную силу князя Юрия»⁸⁸. Под «галичанами» исследователь подразумевал людей, собранных местным князем на подвластных ему землях⁸⁹. Однако есть основания думать, что к сторонникам местных князей А. А. Зимин, прежде всего, относил «промысловых людей и свободных крестьян»⁹⁰.

А. Ю. Дворниченко и Ю. В. Кривошеев отмечали, что встреча митрополита вновь стала проявлением вечевых традиций: «Этот „сермяжный“ народ еще имел реальное влияние на ход событий. Неслучайно митрополит вел переговоры не только с князем, но и „со всеми православными“, а затем князь „проводил его со всем народом“»⁹¹.

В последнее время было сделано еще одно интересное наблюдение над составом населения, представшего перед митрополитом. С. К. Свечников, на основании того, что в походе 1399 г. Юрий Дмитриевич занял земли Ветлужского кугузства, сделал следующий вывод: «В 1425 г. ветлужские марийцы вошли в состав многотысячного ополчения галицкого удельного князя, начавшего открытую борьбу за великокняжеский стол. Внешний вид ополченцев ошеломил митрополита Фотия, прибывшего к Юрию Дмитриевичу с целью переговоров...»⁹². Д. П. Дементьев, также использовавший в своей работе Ветлужский летописец, писал: «В 1425 г. производил князь галицкий Юрий Дмитриевич набор рати по Ветлуге и в Шанге»⁹³. Возможность участия марийцев в военных операциях русских князей допускал Д. А. Котляров⁹⁴.

Чаще всего исследователи рассматривали реплику Фотия («не видах століко народа въ овчих шерстах») как выражение подчеркнутого презрения к военным силам противника великого князя⁹⁵. Исключение составила лишь точка зрения В. Н. Бочкарева: «Следовательно, Фотий в этой встрече усматривал в отношении себя насмешку со стороны Галицкого князя, так как он прибыл в Галич как посланник великого князя и должен был быть встречен не простым народом в сермягах, а представителями светских и церковных феодальных кругов»⁹⁶.

«Глум» митрополита над простыми общинниками, вставшими на сторону местного князя, выявил существенные расхождения в политической жизни центральной части Северо-Восточной Руси и ее более отдаленных северных районов. Единство общинных интересов, верность древнерусским традициям, когда в войско князя мог

вступить любой житель волости, не представляли теперь угрозу для московского правительства. С его позиции это должно было выглядеть как изживший себя тип военной организации. Не исключено также, что внешний вид галичан, среди которых были ветлужские маришцы, мог вызвать немалое удивление митрополита.

Следующей вехой княжеских отношений стал договор 11 марта 1428 г. Он подвел итог начальному периоду усобицы между дядей и племянником, в нем звенигородский князь признавал себя «братом младшим»⁹⁷. Из соглашения видно, что владения Юрия Дмитриевича подверглись территориальным изменениям. Волости Шачебал и Ликурги были переданы Петру Дмитриевичу, который в свою очередь уступил их младшему брату Константину⁹⁸. Однако нет полной уверенности, что это произошло именно в итоге предшествовавшего конфликта.

В. Д. Назаров предполагал, что князь Петр мог получить волости от Василия I как компенсацию своих территориальных потерь⁹⁹. А. А. Зимин, напротив, считал, что передача Константину Ржевы, а Петру волостей Шачебала и Ликурги имела политическую подоплеку, и могла произойти зимой—весной 1425 г., еще накануне открытого столкновения, в ответ на подготовку Юрием Дмитриевичем войск в Галиче¹⁰⁰. Несмотря на различные взгляды исследователей, нельзя отрицать того очевидного факта, что в данном случае усиление младших братьев великого князя шло за счет сокращения земельного фонда Юрия Дмитриевича.

Волости Шачебал и Ликурги были упомянуты в этом докончании впервые. Установлением локализации этих волостей занимался В. Н. Дебольский: «Место Шачебольской волости указывается писцовой книгой 1592–1593 гг... Оказывается, что Шачебольская волость лежала у р. Тебзы, в западной части нынешнего Галичского уезда, Костромской губернии. Волость Ликурги, так же как и Шачебол, находилась в пределах нынешней Костромской губернии, на границе Буйского и Галичского уездов»¹⁰¹. М. К. Любавский предполагал древнее происхождение этих волостей «от инородческих местных обществ, которые прослоились русскими поселенцами и с течением времени обрусели»¹⁰².

Из договора ясно, что прежде Шачебал и Ликурги входили во владение Юрия Дмитриевича. Возможно, на территории Шачебала были

расположены села Микулинское и Борисковское, переданные великим князем Дмитрием Ивановичем Юрию Дмитриевичу¹⁰³. По договору 1428 г. князь Константин Дмитриевич вкладывался в ордынский выход с этих волостей в долю галичского князя наподобие того, как это делала вдова с принадлежащих ей земель в границах уделов ее сыновей¹⁰⁴.

Ю. В. Готье писал о расположении волости Шачебал: «Стан Шачебольский. По древнему Галицкому рубежу меду реками Тебзой и Шачей, притоками реки Костромь»¹⁰⁵. Возможно, что размещение этих волостей на границе галичских владений Юрия Дмитриевича и костромских великокняжеских и заставило либо Василия I, либо Василия II отдать их безземельному Константину.

Вероятно, потребность обратиться к истории этих волостей в договорной грамоте 11 марта 1428 г. возникла из-за того, что в ходе предшествующего конфликта они были отняты Юрием Дмитриевичем у законного владельца. Великий князь обязал в договоре своего старшего дядю: «Тако же, что ведали твои волостеи, и поселки, и ихъ тивуны отчину княжу Константинову Дмитриевича, Шачебал да Ликурги, а то по тому ж отослати по боярину, да оучинити исправа: что будет взято право, то остало; а что будет взято криво, то отдати по исправе»¹⁰⁶. Условие, по которому Юрий Дмитриевич в договоре с Василием Васильевичем и своими младшими братьями был вынужден гарантировать неприкосновенность владений Константина Дмитриевича, дает право подозревать, что такие посягательства имели место.

Сохранение костромских владений великого князя от расширения влияния Юрия Дмитриевича стало особенно актуальной задачей ввиду возможного конфликта. Кострома, являясь центром стратегически важного региона для контроля над Поволжьем и северными землями, как показали усобицы второй четверти XV в., занимала весьма неопределенную позицию, принимая сторону то великого князя, то его противников¹⁰⁷. Поэтому власть в Костромской земле, конечно, оказалась предметом обсуждения в межкняжеских соглашениях.

По своей духовной грамоте 1432 г. Юрий Дмитриевич завещал Галич младшему сыну Дмитрию Меньшому¹⁰⁸. Завещание отразило, что «в социально-экономическом развитии Галичской земли с 1389 г. произошел явный сдвиг»¹⁰⁹. Л. И. Ивина обратила внимание на то, что

Юрий Дмитриевич благословил Дмитрия Меньшого «городом Галичем, и с станы городскими, и со всеми волостми, и с Солью с варницами, и с серебром, что на людех, опричь церковных варниц»¹¹⁰. Она отмечала: «В грамоте, во-первых, подчеркивается роль Галича как города, во-вторых, указывается на образование вокруг Галича городских станов, что является важным признаком заселенности и освоенности этой территории и существования волостных земель, и, в-третьих, упоминается о развитии на территории Галичской земли соляных промыслов, в которых участвовали светские лица и церковь»¹¹¹.

Духовная грамота Юрия Дмитриевича продемонстрировала существенные изменения в раскладке ордынской дани. С двух крупнейших центров его владений собирался почти одинаковый выход: со Звенигорода 511 руб., с Галича 525 руб., причем дань с последнего города указывалась впервые¹¹². 1/4 часть дани с Галича составлял сбор с Шачебала и Ликурги¹¹³. И. П. Сахаров делал по этому поводу замечание: «Следовательно, с Шачебала и Ликурги собиралась дань в числе 128 рублей и 70 копеек. С Углича собиралось дани 105 руб. ...Огромный взнос денег с Шачебала и Ликурги в сравнении с Угличем не должен удивлять нас. Ликургская волость была очень обширна и состояла из нескольких деревень»¹¹⁴.

Договор, заключенный между 25 апреля и 28 сентября 1433 г. Василием Васильевичем, только вернувшим себе великое княжение, и галицким князем, содержал ряд территориальных уступок Юрию Дмитриевичу — ему удалось прибавить к своим владениям Ликурги и добиться от великого князя признания за ним костромских волостей: Андомы, Кореги, Борка, Березовца с Залесьем и Шиленги¹¹⁵. В этом собирании костромских волостей галицким князем Л. В. Черепнин увидел предпосылку продолжения междоусобной борьбы. Он писал: «Стремление Юрия получить владения в Костроме объясняется, конечно, тем, что Кострома являлась центром военных действий против великого князя со стороны Василия и Дмитрия Юрьевичей, с которыми Юрий обещал порвать связь, но в действительности действовал совместно»¹¹⁶. Именно в Кострому бежали старшие сыновья Юрия Дмитриевича после убийства Семена Морозова, там во время заключения этого договора они, вероятно, готовились к походу против великого князя. Собрал своих сторонников

в Костроме, Василий Юрьевич и Дмитрий Юрьевич смогли разбить московского воеводу Юрия Патрикеевича на р. Куси в сентябре 1433 г.

Галичская земля стала основной базой для пополнения людских ресурсов в ходе ведения борьбы местных князей против Василия II. Ее ополчение было задействовано почти по всех военных выступлениях мятежных князей. После отъезда от великого князя И. Д. Всеволожского и оскорбления сыновей звенигородского князя в феврале 1433 г. на свадьбе Василия II, Юрий Дмитриевич, находившейся в Галиче, «собрався со всеми людьми своими» и пошел на Москву «со мною силою»¹¹⁷. В бою на р. Клязьме 25 апреля 1433 г. силы московского и галичского князей оказались неравными, Юрий Дмитриевич одержал победу и вступил на московский престол¹¹⁸.

«Вятчане и Галичане» приняли участие в битве с великокняжескими войсками старших сыновей Юрия Дмитриевича на р. Куси, притоке р. Немды 28 сентября 1433 г. Это вновь привело к победе противников Василия II¹¹⁹. Разгром общинным ополчением Галичской и Вятской земель служилых людей великого князя, чью сторону представлял воевода Юрий Патрикеевич, «а с ним двор свои и многие люди», можно считать несчастливим последствием насмешек митрополита Фотия и недооценки им военных сил противника. Поражение на р. Куси показало действительное значение Галича и стало поводом к широко спланированной акции — походу великокняжеской коалиции на главный город Юрия Дмитриевича.

Зимой 1433 г. на Галичскую землю двинулись войска великого князя, их поддерживали местные князья: Василий Ярославович Боровской, Иван Андреевич Можайский, Иван Федорович Рязанский. В преддверии этого, между 25 апреля и 28 сентября 1433 г., Василием II и его двоюродными братьями Иваном и Михаилом Андреевичами был заключен союзнический договор¹²⁰.

Московские летописи указали на то, что войска Василия II «город Галичъ взя, и съже, а люди в плен поведе, и много зла сътворив земли той, възвратися к Москве»¹²¹. О взятии Галича упоминают и псковские источники¹²². Другую версию событий предложила Устюжская летопись, согласно которой великий князь «повоеваша и пожже Галич, а города не взял, а Косои да Шемяка в городе отсиделися»¹²³. Этот вариант был признан наиболее верным В. Н. Бочкаревым, П. П. Смирновым и А. А. Зиминим¹²⁴.

В Житии Паисия Галичского разрушение древнего Галича связывалось с походом Василия II в 1433 г.¹²⁵ Тычинкинский летописец также относил строение нового города ко времени, последовавшему за штурмом и разорением Галича великим князем, но ошибочно датировал это событие 1422 г.¹²⁶ С подобными выводами соглашались исследователи XIX в.: «После опустошения Галича Юрий Дмитриевич крепость, дворец и собор перенес на новое место, называемое теперь Кремль, где собор доныне»¹²⁷. Житие Паисия указывало на 1434 г. как на время возведения новой галичской крепости на горе Балчуг и приписывало ее строительство уже приемнику Юрия Дмитриевича в управлении землей Дмитрию Меньшому Красному: «...Егда приим власть Галичскую князь Димитрий Георгиевич, тогда постави новый град Галич над езером над посадом»¹²⁸.

П. П. Смирнов опровергал возможность возведения галичской крепости после 1433 г.¹²⁹ Такой вариант датировки был рассмотрен в работе А. Г. Авдеева¹³⁰. На основании археологического исследования горы Балчуг он предложил расширить хронологические рамки создания крепости, относя ее возведение ко всей первой половине XV в.¹³¹ Им были подвергнуты критике предания о расположении «Галича первого» в устье Челсмы и о переносе города¹³². Итак, можно допустить, что в результате похода Василия II в 1433 г. **основная цитадель** Галича так и не была взята, но городские укрепления пришлось подновлять и перестраивать, восстанавливать посад.

Разорение Галичской земли после похода великокняжеских войск зимой 1433 г. не помешало Юрию Дмитриевичу вновь собрать войско и повести на Москву «соединенные галицко-вятские силы»¹³³. Возглавив эти силы, он одержал новую победу над великим князем 20 марта 1434 г. в Ростовской земле, в месте «у святого Николая на Горе»¹³⁴.

После смерти великого князя Юрия Дмитриевича 5 июня 1434 г. в Галиче по завещанию отца вокняжился его младший сын Дмитрий Красный. Это было подтверждено совместным договором младших Юрьевичей с Василием II, **заключенным между 5 июня 1434 г. и 6 января 1435 г.**¹³⁵ В нем город освобождался от выплаты ордынской дани на три года¹³⁶. По мнению А. А. Зимина, льгота послужила компенсацией за разгром Галича великокняжескими войсками в 1433 г.¹³⁷ По этому же договору галицко-коstromские территории, перешедшие

Юрьевичам, были несколько урезаны, указанные земли передавались «апроче Шачебала и Ликурги, и Андмы»¹³⁸. Несмотря на поиски взаимовыгодного компромисса, великий князь продолжил проводить линию на ограничение костромских владений галицких князей.

Дмитрий Меньшой не проводил собственной политики в конфликтах второй четверти XV в. В соглашении Юрия Дмитриевича с Василием II, заключенном в период между 25 апреля и 28 сентября 1433 г., **Дмитрий Меньшой упоминался в качестве, близком к служебному князю**¹³⁹.

Во время усобицы Василия II с **Василием Косым Дмитрий Меньшой** вместе с братом Дмитрием Шемякой выступил на стороне московского князя. По его поручению братья Юрьевичи ходили в 1437 г. в поход на г. Белев. После осады Москвы летом 1439 г. Дмитрий Красный замещал Василия II в столице¹⁴⁰. Очевидно, что младший сын Юрия Дмитриевича «шел в фарватере Москвы»¹⁴¹.

Однако это не мешало галичанам участвовать в военных предприятиях его менее сговорчивого брата. В 1434 г. Василий Юрьевич, бежав из новгородских областей, двинулся к Костроме «и начат збирати воа на великого князя»¹⁴². В следующем 1435 г. Василий Юрьевич двинулся из Костромы на Москву «со многими силами»¹⁴³. В сражении на р. Которосли на Ярославской земле 6 января 1435 г. великокняжеские войска «галичан и вятчан побили»¹⁴⁴.

Лишь однажды Василий Косой побывал в Галиче—осенью 1435 г. Туда он направился через Кострому после разрыва отношений с великим князем, «а жилъ на Костроме до пути, а на пути поиде к Галичу, а из Галича на Устюг, а Вятчане с ним»¹⁴⁵. Исходя из Устюжской летописи можно предположить, что Галич, как и Кострома, должен был стать местом сбора сил Василия Косого: «Князь Василеи Юрьевич Косой посла с Костромы великому князю розметные грамоты, а сам поиде к Галичу и посла по вятчан, зовучи их на Устюг ратию»¹⁴⁶. Город стал промежуточным пунктом на пути князя к Устюгу. В летописях нет каких-либо сведений о бое или осаде города.

А. Е. Пресняков полагал, что мотивом для этого выступления Василия Юрьевича было недовольство договором с великим князем 1435 г. и «обида в устраниении от галицких вотчинных владений»¹⁴⁷. А. А. Зимин считал, что, проходя через Галич, Василий Косой преследовал карательные цели: «Удар и на этот раз был направлен

по слабому звену великокняжеской коалиции: в Галиче находился союзный и Василию II **безынициативный брат Василия Косого Дмитрий** Меньшой. Расчет был правильным. Город был взят¹⁴⁸. Эту точку зрения поддержал Н. С. Борисов¹⁴⁹.

После окончания усабицы между Василием II и **Василием Косым** по договору великого князя Василия II с Дмитрием Шемякой 13 июня 1436 г. за братьями Юрьевичами все же оставалась часть костромских волостей, включавшая Корегу¹⁵⁰. Это были территории, которые они должны были поделить между собой¹⁵¹.

В Галиче Дмитрий Меньшой правил вплоть до своей смерти в сентябре 1440 г.¹⁵² Согласно Житию Паисия Галичского, Дмитрий Красный оказывал покровительство местному Успенскому монастырю¹⁵³. В Галиче при Дмитрие Юрьевиче сложился круг местных землевладельцев, куда входили Дмитрий Иванович Ярцев и Денисий Фоминич. Они завещали часть своих вотчин Паисьевому монастырю¹⁵⁴.

В источниках нет указаний на то, кому отошел Галич после смерти Дмитрия Меньшого: великому князю или его брату Дмитрию Шемяке. Это дало основание В. Н. Бочкареву и П. П. Смирнову предположить, что в основе неожиданно вспыхнувшего осенью 1441 г. конфликта между Василием II и Дмитрием Шемякой лежал вопрос о наследовании Галичской земли¹⁵⁵. Не отрицал такой вариант и А. А. Зимин, хотя более вероятной причиной усабицы он вслед за С. М. Соловьевым признавал отказ Дмитрия Шемяки выступить против Улуг-Мухаммеда в 1439 г.¹⁵⁶

После периода «размирья» под стенами Троицкого монастыря при посредничестве игумена Зиновия отношения между князьями были улажены, и в период с 1441 г. до 31 марта 1442 г. они заключили мирный договор. По нему Дмитрию Шемяке были отданы Галич, Руза, Вышгород, Углич и Ржева¹⁵⁷. Так же как и в более раннем соглашении от 13 июня 1436 г., указывалось на сохранение за галичскими князьями некоторой части костромских волостей («Костромских волостей, Кореги»)¹⁵⁸.

В усабице Василия II и **Дмитрия Шемяки галичане вновь** проявили себя. Заняв Москву в феврале 1446 г., Дмитрий Шемяка использовал свои владения как место ссылки. В Чухлому была отправлена мать великого князя Софья Витовтовна¹⁵⁹. По сообщению Ермолинской летописи, Дмитрий Шемяка «великую княгиню Софию

послать в Рузу, а оттоле в Галич в заточение»¹⁶⁰. Краевед и археолог Чухломы Л. Н. Казаринов писал: «В 1446 г. Дмитрий Шемяка захватил в плен великую княгиню Московскую Софью Витовтовну и заключил ее в г. Чухломе в женский монастырь. Этот монастырь давно не существует. По преданию, он находился при впадении р. Сандебы в Чухломское озеро»¹⁶¹. Около 1450 г. Мария Ярославна сделала пожалование в Покровский чухломской монастырь¹⁶². В. Н. Бочкарев и В. В. Мавродин, обращая внимание на эту грамоту, считали, что именно за стенами данного монастыря могла скрываться в 1446 г. Софья Витовтовна¹⁶³.

Чухлома впервые была названа в летописи как место ссылки митрополита Пимена в 1381 г.: «...Ведоша его... въ Галичь и посадиша его на Чухлому»¹⁶⁴. Это свидетельство, по мнению В. А. Кучкина, давало возможность полагать, что «в XIV в. в административном плане Чухлома как пригород была подчинена Галичу»¹⁶⁵. Исследователь писал: «Но вероятно, что Чухлома входила в состав Галицкого княжества и ранее, когда последнее было еще самостоятельным»¹⁶⁶. Ссылка туда митрополита указывает на то, что в 70-е гг. XIV в. город уже находился под властью великого князя московского. Однако в то время, когда Галичем управлял Дмитрий Шемяка, Чухломой, безусловно, распоряжался местный князь.

Л. Н. Казаринов на материале археологических раскопок начала XX в. представил описание крепости Чухломы XV в.¹⁶⁷ Ее строителем он считал Дмитрия Юрьевича Шемяку. Эти выводы были использованы и в последующей литературе¹⁶⁸.

Но кажется маловероятным, чтобы именно Дмитрий Шемяка, а не Юрий Дмитриевич или Дмитрий Юрьевич Красный возвел мощную крепость в форме неправильного четырехугольника на высоком берегу р. Сандебы. Начальный, более спокойный период своего княжения, Дмитрий Шемяка провел в Угличе, который был основной его резиденцией вплоть до 1447 г., а Галич отошел к нему только в 1440 г. или позднее.

Ополчение галичан продолжало оставаться наиболее верной опорой Дмитрия Шемяки, когда он вместе с Иваном Можайским почти месяц простоял под Волоколамском в ноябре — декабре 1446 г., преграждая путь наступлению Бориса Александровича и Василия II на Москву. Шемяка потерял большинство своих людей: «И побегоша

отъ нихъ вси люди во Тверь к великому князю, развие остались у ихъ людие, галичане и можаичи»¹⁶⁹.

Именно Галичская земля показала князю Дмитрию Юрьевичу лучшим убежищем после захвата Москвы отрядом М. Б. Плещеева в декабре 1446 г. «Князь Дмитрей Юрьевич виде свое изнеможение, побеже въ Галичъ и со княгинею и з бояры своими, и князь Иванъ Можайский съ нимъ же»¹⁷⁰. Н. А. Полевой верно писал о том, что Шемяка и Можайский поспешили в Галич «более надеясь на верность северных областей»¹⁷¹. Зимой 1447 г., оставив перед великокняжескими войсками Углич, Дмитрий Шемяка пошел в Галич и продолжал скрываться в его отдаленных пригородах — Чухломе и Каргополе, взяв в заложницы Софью Витовтовну, вплоть до примирения с Василием Темным¹⁷².

К концу 40-х гг. XV в. Галич оказался единственным убежищем Дмитрия Шемяки¹⁷³. Закрепившись там осенью — зимой 1447 г., он стал создавать коалицию против Василия Темного, налаживая отношения с Иваном Можайским, отправляя послов в Новгород и Казань, действуя через своего тиуна Ватазина в Москве¹⁷⁴.

Зимой 1447 г. правительство Василия II было вынуждено перейти к открытым военным действиям и двинуть войска на город Шемяки¹⁷⁵. Но в этот раз великий князь не дошел до своей цели. Из Костромы было выслано предложение начать переговоры, Дмитрий Шемяка и Иван Можайский заключили с Василием II мир¹⁷⁶. Однако противостояние нарастало, длительный конфликт приближался к неминуемой развязке. В апреле 1449 г. войска Дмитрия Юрьевича и Василия II встретились на берегу р. Волги, но сражения снова не произошло, галичский князь заключил перемирие¹⁷⁷.

Согласно Летописи Авраамки, осенью 1449 г. Василий Темный предпринял первую попытку взять Галич «изгоном», после чего Дмитрий Шемяка отправил свою семью в Новгород¹⁷⁸. Л. В. Черепнин выдвинул предположение о том, что тогда же местный князь, оказавшись на границе новгородских владений, смог договориться о военной помощи из Новгорода¹⁷⁹.

Летописи содержат достаточно подробный рассказ о походе великокняжеских войск под Галич в 1450 г. и битве за город¹⁸⁰. Это дало основание Ю. Г. Алексееву полагать, что во время похода «при великом князе велась краткая запись событий»¹⁸¹.

Не совсем понятно, почему первоначально Дмитрий Юрьевич отошел к Вологде, куда за ним двинулся и великий князь¹⁸². Были это спланированный маневр со стороны галичского князя, или Дмитрий Шемяка собирался бежать? Возможно, он попытался собрать на севере достаточное количество людей прежде чем приступить к подготовке обороны города. Осознав неизбежность решающего столкновения, Дмитрий Шемяка стал готовить галичскую цитадель к осаде: «А люди около него много, а город крепит и пушки готовит и рать пешая у него, а сам перед городом стоит со всею силою»¹⁸³.

Галичская крепость была прекрасно оснащена, ее гарнизон даже располагал артиллерией. П. П. Смирнов видел в этом заслугу Юрия Дмитриевича: «...именно артиллерия, в расчете на которую создан план укреплений, была той силой, благодаря которой Галич обратился в XV в. в неприступную крепость»¹⁸⁴. Некоторые летописи сообщили, что в бою за город был убит «удалый Григорий Семенович Горьсткий, Новгородский боярин»¹⁸⁵. Из этого следует, что галичский князь сумел получить военную помощь из Новгорода.

Василий II также основательно планировал поход, собрал «воевод со всею силою своею... прочих князей и воевод многое множество»¹⁸⁶. Руководил великокняжеским войском Василий Иванович Оболенский. Летопись Авраамки указывала на поддержку войск Василия II силами тверского князя Бориса Александровича: «А князь великий Василий Васильевич съодиначился с великимъ княземъ Борисомъ Олександровичомъ Тверскимъ на Дмитрия князя...»¹⁸⁷.

27 января 1450 г. великокняжеские войска подошли к стенам крепости. Штурм оказался тяжелым и кровопролитным. Дмитрий Юрьевич занял выгодную позицию на возвышенности у стен Галича: «...а князь Дмитрий стояше на горе под городом со всею своею силою, не поступя не с места»¹⁸⁸. П. П. Смирнов предпринял реконструкцию Галичского боя. Он считал, что Шемяка стоял около Паисьева монастыря «на южной оконечности горы Красницы, прикрывая Костромскую дорогу и обход Галича с юга. Очевидно, Шемяка не боялся, что Оболенский может пойти на Галич с севера со стороны озера или с западной стороны, где в обоих случаях он оказался бы в нешироком дефиле под обстрелом артиллерии с городских стен»¹⁸⁹. Но В. И. Оболенский «предпринял неожиданный для Шемяки маневр: он повел свои войска от озера прямо

на обрыв горы Красницы, чтобы выйти в тыл расположению Шемяки и разгромить его силы»¹⁹⁰. «Воеводы же великого князя поидоша съ озера к горе, опасаяся, поне же бе гора крута, и выправилися ис тех враговъ въздоша на гору и поидоша к ним»¹⁹¹. Действие крепостной артиллерии не принесло ожидаемого успеха и не остановило наступающих войск. В пешем бою воины великого князя одержали победу: «Поможе же богъ великому князю, многих избиша, а лучших всех изымаша рукама, а сам князь едва убежал, а пешую рать мало не всю избиша, а город затворился»¹⁹².

Дополнения в эту картину боя вносят свидетельства, сохраненные в труде В. Н. Татищева. Он отметил, что инициатива развязывания сражения принадлежала татарскому царевичу Касиму: «И первое сразися салтан Касим со своим полком, потом и вси полцы...»¹⁹³. По В. Н. Татищеву, в битве активно проявляли себя оба военачальника: «Князь же Дмитрий езда по полком своим, понуждая, ведый бо свою погибель, исча сломити; а князь Василий Иванович, не хотя себя посрамити, езда всюду, помогая»¹⁹⁴. Перелом в ходе затянувшейся битвы наступил благодаря атаке воеводы Дмитрия Ряполовского и последовавших скоординированных действий полков Василия II: «Князь же Дмитрий Ряполовский со двором великого князя, видя битву продолжаему, удари в середину полка Шемякина и раздвои, нача сесчи обоюду; и князь Василий Иванович наступил с пешими на левые полки, а салтан Касим на правые Шемякины. Дмитрий же, видевои свои раздвоены, не зная где помогати, побеже»¹⁹⁵.

Великокняжеские войска либо не смогли, либо не захотели брать неприступный Галич штурмом. После сообщения о выигранной битве к городу подошел сам Василий Темный, остававшийся до этого на пути в Галич в Иоанно-Предтеченском Железоборовском монастыре. По приходу великого князя упорные галичане сдались: «...граждане предашася ему, он же град омиривъ и наместники своя посажавъ по всеи отчине тои»¹⁹⁶.

В данном случае нельзя не согласиться с мнением Ю. Г. Алексева о причинах торжества Василия II над местными галичскими князьями: «Победило превосходство военно-политической организации великокняжеской власти, отражавшей прогрессивные тенденции развития русской государственности»¹⁹⁷. Н. С. Борисов писал об исходе битвы: «Судьбу сражения решило не только численное

превосходство московской рати, но также ее более высокая боевая выучка и лучшее вооружение. В то время как у „сермяжников“ галичан основной силой было кое-как вооруженное ополчение, — москвичи действовали преимущественно в конном строю»¹⁹⁸. Вероятно, что это так. Если Дмитрий Шемяка и располагал конным полком своих местных землевладельцев, то весьма сомнительно, что полк превышал великокняжеский. И. Б. Михайлова писала: «В период Смуты второй четверти XV в., когда решалась судьба Северо-Восточной Руси, сподвижники Василия II, составлявшие его Двор, провели ряд реформ, нацеленных на укрепление государственности и усиление великокняжеской власти... Важнейшей из проведенных ими реформ можно считать создание нового войска — служилой корпорации детей боярских, которые стали надежной опорой великокняжеской власти»¹⁹⁹.

Вслед за Н. М. Карамзиным в историографии возникла традиция оценивать Галичскую битву как «последнее кровопролитное действие княжеских междоусобий»²⁰⁰. Падение Галича в январе 1450 г. определило победителя в более чем двадцатилетней междоусобной войне, которая велась в Северо-Восточной Руси.

После завершения военной операции Василий II присоединил Галичскую землю к Москве. В. Н. Бочкарев писал: «Завоеванием Галича Москва вбивала острый клин в тот обширный край, на который в течение 25 лет опирались Юрий Дмитриевич и его сыновья в борьбе с Василием II»²⁰¹. Для Л. В. Черепнина сопротивление, которое оказал город при осаде войсками Василия II, подтверждало взгляд на «галичан» как на горожан²⁰². Однако более вероятным представляется то, что, готовясь к решающей битве за единственный оплот своей власти — Галич, Дмитрий Шемяка должен был собрать под стенами города ополчение всей своей земли.

В политике местных князей территории Галичской земли смогли сыграть большую роль не по причине своего экономического могущества, как это было представлено в советской историографии «феодальной войны». Галич в XV в. являлся землей, во внутреннем управлении сохранившей черты независимого города-государства. Город и волость были более ориентированы на поддержку местного князя, чем на подчинение центральной власти Москвы. В истории Галича во второй четверти XV в. все еще можно различить остатки

того древнерусского политического уклада, при котором «земщина каждого края Русской земли считалась и была на самом деле самостоятельной и независимой, составляла отдельное государство со своим князем и сама определяла свои отношения к князю и свое общественное устройство»²⁰³.

¹ Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). М., 2004. Т. XXV. С. 128.

² *Татищев В. Н.* Собр. соч. В 8 т. Т. II и III. История Российская. М., 1995. С. 241, прим. 458.

³ *Раппопорт П. А.* Оборонительные сооружения Галича Мерьского // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М., 1959. Вып. 77. С. 4.

⁴ *Авдеев А. Г.* Галичская земля в XII–XV вв.: (По житию преподобного Паисия Галичского): дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. С. 158–159.

⁵ *Раппопорт П. А.* Оборонительные сооружения Галича Мерьского. С. 4.

⁶ *Некрасов А. И.* Древности Галича Костромского. Галич, 1926. С. 1.

⁷ *Любавский М. К.* Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение центра. Л., 1929. С. 10.

⁸ *Смирнов П. П.* Древний Галич и его важнейшие памятники // Ученые записки МГПИ им. В. П. Потемкина. М., 1948. Т. IX. Вып. 1. С. 84; *Сахаров А. М.* Города Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. М., 1959. С. 74.

⁹ *Любавский М. К.* Образование основной государственной территории... С. 10; *Зимин А. А.* Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М., 1991. С. 18.

¹⁰ *Рябинин Е. А.* Финно-угорские племена в составе Древней Руси. СПб., 1997. С. 188.

¹¹ *Авдеев А. Г.* Галичская земля в XII–XV вв... С. 165.

¹² *Авдеев А. Г.* Исследования Галичской экспедиции // Археологические открытия за 1995 г. М., 1996. С. 24–25.

¹³ *Рябинин Е. А.* Финно-угорские племена... С. 188–191.

¹⁴ *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 г. по 1505 г.: в 2 т. СПб., 1889. Т. I. С. 96, прим. 241; *Любавский М. К.* Образование основной государственной территории... С. 62; *Сахаров А. М.* Города Северо-Восточной Руси в XIV–XV вв. С. 74; *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 116.

¹⁵ *Горюнова Е. И.* Этническая история Волго-Окского междуречья // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1961. № 94. С. 151.

¹⁶ ПСРЛ. М., 2000. Т. XV. Стб. 47.

¹⁷ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. (далее — ДДГ). М.; Л., 1950. № 12. С. 34.

¹⁸ Историография вопроса рассмотрена в работах В. А. Кучкина и К. А. Аверьянова (Кучкин В. А. Формирование государственной территории в X–XIV вв. С. 249–252; Аверьянов К. А. Купли Ивана Калиты. М., 2001. С. 3–18).

¹⁹ Ивина Л. И. Внутреннее освоение земель России в XVI в.: Историко-географическое исследование по материалам монастырей. Л., 1985. С. 118.

²⁰ Карамзин Н. М. История Государства Российского: в 12 т. М., 1993. Т. V. С. 61.

²¹ Соловьев С. М. Соч.: в 29 т., 18 кн. Т. III–IV. Кн. II. История России с древнейших времен. М., 1988. С. 332, прим. 417; Ключевский В. О. Соч.: в 9 т. Т. II. Курс русской истории. Ч. II. М., 1988. С. 16; Чичерин Б. Н. Опыт по истории Русского права. М., 1858. С. 241; Пресняков А. Е. Образование Велико-русского государства. М., 1998. С. 113.

²² Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. С. 246.

²³ Любавский М. К. Образование основной государственной территории... С. 54; Кривошеев Ю. В. Русь и монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. СПб., 2003. С. 240–241.

²⁴ Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. С. 255.

²⁵ Сергеевич В. И. Древности русского права: в 2 т. Т. I. Территория и население. СПб., 1909. С. 59–60; Соловьев С. М. Соч. Т. III–IV. Кн. II. История России с древнейших времен. С. 259, 332, прим. 417; Ключевский В. О. Соч. Т. II. Курс русской истории. Ч. II. С. 16; Любавский М. К. Образование основной государственной территории... С. 62; Тиц А. А. На земле древнего Галича: (Галич, Чухлома, Солигалич). М., 1971. С. 11.

²⁶ Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. С. 252.

²⁷ Аверьянов К. А. Купли Ивана Калиты. С. 82–87.

²⁸ Там же. С. 89.

²⁹ Кучкин В. А. Из истории генеалогических и политических связей московского княжеского дома в XIV в. // Исторические записки. М., 1974. Т. 94. С. 365–384.

³⁰ Дунаев Б. И. Воскресенский летописец и его продолжение за 18-й и 19-й вв. солигаличским служилым человеком Ф. И. Нащокиным. М., 1914. С. 10–13.

³¹ Аверьянов К. А. Купли Ивана Калиты. С. 67.

³² Преображенский А. А. Летопись Воскресенского монастыря, что у Соли Галичской: (Историографические и источниковедческие заметки) // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 236; Семячко С. А. К вопросу об использовании письменных и устных источников при создании повестей об основании монастырей и монастырских летописцев («Повесть о Тверском Отроче монастыре», «Летописец Воскресенского Солигаличского монастыря») // Книжные

- центры древней Руси. XVII в. Различные аспекты исследования. СПб., 1994. С. 257; *Аверьянов К. А.* Купли Ивана Калиты. С. 82
- ³³ *Аверьянов К. А.* Купли Ивана Калиты. С. 76–77.
- ³⁴ ДДГ. № 12. С. 34.
- ³⁵ *Аверьянов К. А.* Купли Ивана Калиты. С. 67, прим. 69.
- ³⁶ *Зимин А. А.* Витязь на распутье... С. 18.
- ³⁷ *Смирнов П. П.* Древний Галич и его важнейшие памятники. С. 88.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ *Белов Л. И., Касторский В. В.* Галич. Ярославль, 1983. С. 9; ПСРЛ. Т. XXV. С. 229.
- ⁴⁰ ПСРЛ. Т. XXV. С. 248.
- ⁴¹ ДДГ. № 12. С. 34.
- ⁴² *Черепнин Л. В.* К вопросу о роли городов в процессе образования русского централизованного государства // Города феодальной России: сб. статей памяти Н. В. Устюгова. М., 1966. С. 112.
- ⁴³ *Платонов С. Ф.* Собр. соч. по русской истории: в 2 т. СПб., 1994. Т. II. С. 348.
- ⁴⁴ *Любавский М. К.* Образование основной государственной территории... С. 62.
- ⁴⁵ Б. Д. Греков так писал о Галичской земле: «Земли, лежавшие около самого Галича, отличались значительным плодородием и имели густое население. На территории княжества были расположены богатые соляные источники, а леса по Унже и Ветлуге изобиловали пушниной. Поэтому обладатель богатой и населенной Галичской территории мог опираться на местные средства. Это способствовало обособлению Галицкого княжества» (История СССР / под ред. Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина. М., 1939. Т. I. С. 241).
- ⁴⁶ *Базилевич К. В.* История СССР от древнейших времен до середины XV в.: Курс лекций, прочитанных в Высшей Партийной школе при ЦК ВКП(б). М., 1944. С. 222; *Мавродин В. В.* Образование единого Русского государства. Л., 1951. С. 142–143; *Сахаров А. М.* Города Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. С. 74; *Кизилов Ю. А.* Земли и народы России в XIII–XV вв. М., 1984. С. 61; *Алексеев Ю. Г.* Под знаменами Москвы: Борьба за единство Руси. М., 1992. С. 13; *Grumtey R. O.* The Formation of Muscovy. 1304–1613. London; New York, 1987. P. 69.
- ⁴⁷ *Черепнин Л. В.* К вопросу о роли городов... С. 108.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ *Сахаров А. М.* Города Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. С. 74.
- ⁵⁰ *Зимин А. А.* Витязь на распутье... С. 17, 209–210.
- ⁵¹ ДДГ. № 12. С. 34.
- ⁵² *Ивина Л. И.* Внутреннее освоение земель России в XVI в... С. 118.
- ⁵³ *Чичерин Б. Н.* Опыты по истории Русского права. С. 182.

⁵⁴ Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. С. 243.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Готье Ю. В. Замосковский край в XVII в. М., 1937. С. 385.

⁵⁷ ДДГ. № 12. С. 34.—См. также: Миловидов И. В. Очерк истории Костромы с древнейших времен до царствования Михаила Федоровича. Кострома, 1886. С. 94; Дебольский В. Н. Духовные и договорные грамоты московских князей как историко-географический источник // Записки Русского Археологического общества. СПб., 1903. Т. VI. С. 19–20; Готье Ю. В. Замосковский край в XVII в. С. 385–386.

⁵⁸ Любавский М. К. Образование основной государственной территории... С. 19; Ивина Л. И. Внутреннее освоение земель России в XVI в... С. 118–121.

⁵⁹ Житие и чудеса преподобного и богоносного отца нашего Авраамия Галичского, игумена Городецкого, нового чудотворца // Преподобный Авраамий Городецкий, Чухломской и Галичский чудотворец и созданный им Свято-Покровский Авраамиево-Городецкий монастырь. М., 1996. С. 24; Житие Григория Пельшемского // Великие Минеи Четьи. Сентябрь, дни 25–30. СПб., 1883. Стб. 2270–2271.

⁶⁰ Житие Григория Пельшемского. Стб. 2269.

⁶¹ Авдеев А. Г. Галичский Успенский Паисьев монастырь по документам XV–XVII вв. // Русский дипломатарий. М., 2001. Вып. 7. С. 331.

⁶² Смирнов П. П. Древний Галич и его важнейшие памятники. С. 89; Косточкин В. В. О «регулярной» планировке в крепостной архитектуре Русского государства // Ежегодник Института истории искусств АН СССР за 1957 г. М., 1958. С. 92; Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв.: в 2 т. М., 1962. Т. II. С. 290.

⁶³ Раппопорт П. А. Оборонительные сооружения Галича Мерьского. С. 5.

⁶⁴ Косточкин В. В. О «регулярной» планировке в крепостной архитектуре... С. 92.

⁶⁵ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв. Т. II. С. 290; Древнерусское градостроительство X–XV вв. М., 1993. С. 184.

⁶⁶ Булдаков К. А. Кострома в борьбе с монголо-татарскими вторжениями на Русь // Северо-Восточная Русь в борьбе с монголо-татарскими захватчиками. Ярославль, 1981. С. 29.

⁶⁷ Авдеев А. Г. Исследования Галичской экспедиции. С. 24.

⁶⁸ ПСРЛ. Т. XXV. С. 246; М., 1959. Т. XXVI. С. 183; М., 1962. Т. XXVII. С. 100.

⁶⁹ Черепнин Л. В. К вопросу о роли городов... С. 107.

⁷⁰ Зимин А. А. Витязь на распутье... С. 33.

⁷¹ Дворниченко А. Ю., Кривошеев Ю. В. «Феодалные войны» или демократические альтернативы? // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2. История, языковедение, литературоведение. 1992. Вып. 3. С. 6.

⁷² ПСРЛ. СПб., 1913. Т. XVIII. С. 168; Т. XXV. С. 246; Т. XXVI. С. 183–184; Т. XXVII. С. 100–101.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Житие преподобного Паисия Галичского по списку первой половины XVIII в. Казань, 1898. С. 19.

⁷⁶ *Авдеев А. Г.* Галичская земля в XII–XV вв... С. 78.

⁷⁷ Там же. С. 79.

⁷⁸ *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. Т. V. С. 135–136; *Соловьев С. М.* Соч. Т. III–IV. Кн. II. История России с древнейших времен. С. 382; *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 г. по 1505 г. Т. I. С. 150; *Платонов С. Ф.* Собр. соч. по русской истории. Т. II. С. 348.

⁷⁹ *Платонов С. Ф.* Собр. соч. по русской истории. Т. II. С. 349.

⁸⁰ *Смирнов П. П.* Древний Галич и его важнейшие памятники. С. 95.—Именно крестьянами считал Н. М. Карамзин одетых в сермяги воинов Юрия Дмитриевича (*Карамзин Н. М.* История Государства Российского. Т. V. С. 135).

⁸¹ *Сахаров А. М.* Города Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. С. 229.

⁸² *Черепнин Л. В.* Образование русского централизованного государства в XIV–XV вв. М., 1960. С. 747.

⁸³ Там же.

⁸⁴ *Черепнин Л. В.* К вопросу о роли городов... С. 107.

⁸⁵ *Кизилов Ю. А.* Земли и княжества Северо-Восточной Руси в период феодальной раздробленности (XII–XV вв.) Ульяновск, 1982. С. 61.

⁸⁶ Там же. С. 61–62.

⁸⁷ *Зимин А. А.* Витязь на распутье... С. 35.

⁸⁸ Там же. С. 200.

⁸⁹ Там же. С. 202.

⁹⁰ Там же. С. 210.

⁹¹ *Дворниченко А. Ю., Кривошеев Ю. В.* «Феодальные войны» или демократические альтернативы? С. 7.

⁹² *Свечников С. К.* Присоединение Марийского края к Русскому государству: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2002. С. 50.

⁹³ *Дементьев Д. П.* Краткий исторический очерк Шангского городища // Костромские губернские ведомости. 1892. № 9. С. 75.

⁹⁴ *Котляров Д. А.* Московская Русь и народы Поволжья в XV–XVI вв. Ижевск, 2005. С. 87.

⁹⁵ *Соловьев С. М.* Соч. Т. III–IV. Кн. II. История России с древнейших времен. С. 382; *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 г. по 1505 г. Т. I. С. 150; *Смирнов П. П.* Древний Галич и его важнейшие памятники. С. 95; *Черепнин Л. В.* Образование русского

централизованного государства в XIV–XV вв. С. 747; *Зимин А. А.* Витязь на распутье... С. 35.

⁹⁶ *Бочкарев В. Н.* Феодалная война в удельно-княжеской Руси XV в. Борьба за создание Русского национального государства: дис. ... д-ра ист. наук.: в 2 т. М., 1944. Т. II. С. 5.

⁹⁷ ДДГ. № 24. С. 63–67.

⁹⁸ «...что ся еси съступил брату своему молодъшому, князю Петру Дмитриевичу, Шачебала да Ликурги, а князь Петр Дмитриевич съступился брату своему молодшому князю Константину Дмитриевичю» (ДДГ. № 24. С. 64).

⁹⁹ *Назаров В. Д.* Дмитровский удел в конце XIV—середине XV вв. // *Историческая география России XII—начала XX вв.* М., 1975. С. 51.

¹⁰⁰ *Зимин А. А.* Витязь на распутье... С. 33.

¹⁰¹ *Дебольский В. Н.* Духовные и договорные грамоты московских князей как историко-географический источник // *Записки Русского Археологического общества.* Т. VI. С. 18.

¹⁰² *Любавский М. К.* Образование основной государственной территории... С. 12.

¹⁰³ *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. С. 243.

¹⁰⁴ «А князю Константину Дмитриевичю давати тебе дань и ям и с Шачебала и с Ликурги, и с тех волостей зъ Звенигородскихъ, которыи за нимъ, как давал при моемъ отце, при великомъ князи» (ДДГ. № 24. С. 64).

¹⁰⁵ *Готье Ю. В.* Замосковский край в XVII в. С. 386.

¹⁰⁶ ДДГ. № 24. С. 65.

¹⁰⁷ *Черепнин Л. В.* К вопросу о роли городов... С. 116–117.

¹⁰⁸ ДДГ. № 29. С. 74.

¹⁰⁹ *Ивина Л. И.* Внутреннее освоение земель России в XVI в... С. 121.

¹¹⁰ ДДГ. № 29. С. 74.

¹¹¹ *Ивина Л. И.* Внутреннее освоение земель России в XVI в... С. 121–122.

¹¹² Там же.

¹¹³ «А Галичю имається в семятысячной выход пятсот руб. и пол-30 руб., и ис того сынъ мои Дмитриеи возмет с Шачебала и Ликурги четвертую часть да отведет в большую казну...» (ДДГ. № 29. С. 74).

¹¹⁴ *Сахаров И. П.* Деньги Московских удельных князей. М., 1851. С. 17.—См. также: ДДГ. № 17. С. 49.

¹¹⁵ ДДГ. № 30. С. 76.

¹¹⁶ *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы. М.; Л., 1948. Ч. 1. С. 111.

¹¹⁷ ПСРЛ. СПб., 1851. Т. V. С. 265; М., 2001. Т. VI. С. 148; Т. XVIII. С. 173; М., 2004. Т. XXIII. С. 147; Т. XXV. С. 251; Т. XXVI. С. 189; Т. XXVII. С. 104.

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Там же. Т. XXV. С. 251; Т. XXVI. С. 190.

- ¹²⁰ ДДГ. № 31. С. 80–82.—См. также: *Зимин А. А.* О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV–XV вв. // **Проблемы источниковедения**. М., 1958. Т. 6. С. 298–299.
- ¹²¹ ПСРЛ. Т. XVIII. С. 174; Т. XXV. С. 25; Т. XXVI. С. 190.—См. также: ПСРЛ. Т. V. С. 265–266; Т. XXIII. С. 148.
- ¹²² Там же. М., 2001. Т. V. Вып. 2. С. 129.
- ¹²³ Там же. Л., 1982. Т. XXXVII. С. 85.
- ¹²⁴ *Бочкарев В. Н.* Феодалная война в удельно-княжеской Руси XV в. Т. II. С. 42; *Смирнов П. П.* Древний Галич и его важнейшие памятники. С. 93; *Зимин А. А.* Витязь на распутье... С. 63.
- ¹²⁵ Житие преподобного Паисия Галичского по списку первой половины XVIII в. С. 19–20.
- ¹²⁶ *Смирнов Ю.* Летописцы из Галича // Губернский дом. Кострома, 2000. № 2. С. 16.
- ¹²⁷ *Миловидов И. В.* Очерк истории Костромы с древнейших времен до царствования Михаила Федоровича. С. 77.—См. также: *Свинын П. П.* Картины России быт ее разноплеменных народов. СПб., 1839. Ч. I. С. 175; *Сытин С. Д.* Древний город Галич Костромской губернии. М., 1905. С. 14.
- ¹²⁸ Житие преподобного Паисия Галичского по списку первой половины XVIII в. С. 25.
- ¹²⁹ *Смирнов П. П.* Древний Галич и его важнейшие памятники. С. 93.
- ¹³⁰ *Авдеев А. Г.* Галичская земля в XII–XV вв... С. 154.
- ¹³¹ *Авдеев А. Г.* Исследования Галичской экспедиции. С. 24.
- ¹³² *Авдеев А. Г.* Галичская земля в XII–XV вв... С. 157.
- ¹³³ *Черепнин Л. В.* Образование русского централизованного государства в XIV–XV вв. С. 762.
- ¹³⁴ ПСРЛ. Т. XXV. С. 251; Т. XXVI. С. 190.—См. также: *Зимин А. А.* Витязь на распутье... С. 232–233, прим. 73.
- ¹³⁵ ДДГ. № 34. С. 87; Докончальная грамота великого князя Василия Васильевича с Галицкими князьями // Археографический ежегодник за 1977 г. М., 1978. С. 355.
- ¹³⁶ «А галицкой мне выти не взятии в выход три годы» (ДДГ. № 34. С. 87).
- ¹³⁷ *Зимин А. А.* Витязь на распутье... С. 72.
- ¹³⁸ ДДГ. № 34. С. 87.
- ¹³⁹ Юрий Дмитриевич, заключая договор вместе со своим младшим сыном, обещал великому князю: «А коли ти будет самому всести на конь против своего недруга, или ти будет брата нашего молодшего послати, князя Константина Дмитриевича, и мне послати сына своего съ своими людьми» (ДДГ. № 30. С. 77).
- ¹⁴⁰ ПСРЛ. Т. XXIII. С. 150.

- ¹⁴¹ Семенченко Г. В. Неизвестный сын Юрия Галицкого и политическая борьба на Руси в начале 30-х гг. XV в. // *Вспомогательные исторические дисциплины*. Л., 1991. Вып. XXII. С. 193, прим. 29.
- ¹⁴² ПСРЛ. Т. XVIII. С. 175; Т. XXV. С. 252; Т. XXVI. С. 191; Т. XXVII. С. 85.
- ¹⁴³ Там же.
- ¹⁴⁴ Там же. Т. XXXVII. С. 85.
- ¹⁴⁵ Там же. Т. XXV. С. 252; Т. XXVII. С. 105.
- ¹⁴⁶ Там же. Т. XXXVII. С. 86.
- ¹⁴⁷ Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. С. 269.
- ¹⁴⁸ Зимин А. А. Витязь на распутье... С. 74.
- ¹⁴⁹ Борисов Н. С. Иван III. М., 2000. С. 55.
- ¹⁵⁰ ДДГ. № 34. С. 90.
- ¹⁵¹ Там же.
- ¹⁵² ПСРЛ. Т. XXV. С. 261.
- ¹⁵³ Житие преподобного Паисия Галицкого по списку первой половины XVIII в. С. 25–27.
- ¹⁵⁴ Там же. С. 27; ПСРЛ. Т. XXV. С. 261.— См. также: Антонов А. В., Баранов К. В. Акты XV–XVI вв. в архивах русских монастырей и церквей // *Русский дипломатический архив*. М., 1998. Вып. 3. С. 36–37.
- ¹⁵⁵ Бочкарев В. Н. Феодалная война в удельно-княжеской Руси XV в. Т. II. С. 87; Смирнов П. П. Древний Галич и его важнейшие памятники. С. 98.
- ¹⁵⁶ Зимин А. А. Витязь на распутье... С. 94, 249, прим. 102; Соловьев С. М. Соч. Т. III–IV. Кн. II. История России с древнейших времен. С. 390.
- ¹⁵⁷ ДДГ. № 37. С. 108.
- ¹⁵⁸ Там же. № 34. С. 90; № 37. С. 110.
- ¹⁵⁹ ПСРЛ. Т. V. С. 268; Т. XXV. С. 266; Т. XXVI. С. 202; СПб, 1910. Т. XX. С. 260.
- ¹⁶⁰ ПСРЛ. Т. XXIII. С. 152.
- ¹⁶¹ Казаринов Л. Н. Прошлое Чухломского края // Труды Чухломского отд. Костромского научного общества и Чухломского музея. Солигалич, 1929. Вып. IV. С. 17.
- ¹⁶² Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией (далее—АИ). СПб., 1841. Т. I. № 49. С. 97–98.
- ¹⁶³ Бочкарев В. Н. Политические итоги феодалной войны в удельно-княжеской Руси XV в. С. 58; Мавродин В. В. Образование единого Русского государства. С. 154.
- ¹⁶⁴ ПСРЛ. Т. XXIII. С. 123.
- ¹⁶⁵ Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. С. 242.
- ¹⁶⁶ Там же.
- ¹⁶⁷ Казаринов Л. Н. Прошлое Чухломского края. С. 16–17.

- ¹⁶⁸ Косточкин В. В. О «регулярной» планировке в крепостной архитектуре... С. 95; Тиц А. А. На земле древнего Галича. С. 56–57.
- ¹⁶⁹ ПСРЛ. Т. XXIII. С. 154.
- ¹⁷⁰ Там же. Т. XX. С. 261.
- ¹⁷¹ Полевой Н. А. История русского народа: в 6 т. М., 1997. Т. III. С. 182.
- ¹⁷² ПСРЛ. Т. XXV. С. 269.—На принадлежность Каргополя галичским князьям указывали М. Н. Тихомиров и А. А. Зимин (*Тихомиров М. Н.* Каргопольские рукописи // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. М.; Л., 1955. Т. XI. С. 486; *Зимин А. А.* Витязь на распутье... С. 251, прим. 117).
- ¹⁷³ ДДГ. № 46. С. 140–141.
- ¹⁷⁴ АИ. Т. I. № 40. С. 80–81.
- ¹⁷⁵ ПСРЛ. Т. XXV. С. 269.
- ¹⁷⁶ Там же. С. 269; ДДГ. № 51. С. 150–155.
- ¹⁷⁷ ПСРЛ. Т. XXV. С. 270.
- ¹⁷⁸ Там же. Т. XVI. М., 2000. Стб. 192.
- ¹⁷⁹ Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства в XIV–XV вв. С. 807.
- ¹⁸⁰ ПСРЛ. Т. XVIII. С. 205; Т. XXV. С. 270–271; Т. XXVI. С. 209; Т. XXVII. С. 115–116.—Свидетельство о Галичском бое также содержат летописи: ПСРЛ. Т. V. С. 270; Т. XXIII. С. 154; Т. XXXVII. С. 88.
- ¹⁸¹ Алексеев Ю. Г. Государь всея Руси. Новосибирск, 1991. С. 61.
- ¹⁸² ПСРЛ. Т. XVIII. С. 205; Т. XXV. С. 270; Т. XXVI. С. 209; Т. XXVII. С. 115.
- ¹⁸³ Там же.
- ¹⁸⁴ Смирнов П. П. Древний Галич и его важнейшие памятники. С. 92.
- ¹⁸⁵ ПСРЛ. Т. XXIII. С. 154; Т. V. С. 270; Т. XXXVII. С. 88.
- ¹⁸⁶ Там же. Т. XXV. С. 270.
- ¹⁸⁷ Там же. Т. XVI. Стб. 192.
- ¹⁸⁸ Там же. Т. XXV. С. 270.
- ¹⁸⁹ Смирнов П. П. Древний Галич и его важнейшие памятники. С. 101.
- ¹⁹⁰ Там же.
- ¹⁹¹ ПСРЛ. Т. XXV. С. 270.
- ¹⁹² Там же. С. 270–271.
- ¹⁹³ Татищев В. Н. Собр. соч.: в 8 т. Т. V и VI. История Российская. М., 1996. С. 268.
- ¹⁹⁴ Там же.
- ¹⁹⁵ Там же. С. 268–269.
- ¹⁹⁶ ПСРЛ. Т. XVIII. С. 205; Т. XXV. С. 271; Т. XXVI. С. 209; Т. XXVII. С. 116.
- ¹⁹⁷ Алексеев Ю. Г. У кормила Российского Государства. Очерк развития аппарата управления XIV–XV вв. СПб., 1998. С. 79.

¹⁹⁸ *Борисов Н. С.* Иван III. С. 117.

¹⁹⁹ *Михайлова И. Б.* Служилые люди в Северо-Восточной Руси в XIV—первой половине XVI в.: Очерки социальной истории. СПб., 2003. С. 362.

²⁰⁰ *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. Т. V. С. 185; *Полевой Н. А.* История русского народа. М., 1997. Т. III. С. 188; *Иловайский Д. И.* Собиратели Руси. М., 2003. С. 267.

²⁰¹ *Бочкарев В. Н.* Феодалная война в удельно-княжеской Руси XV в. Т. II. С. 211.

²⁰² *Черепнин Л. В.* К вопросу о роли городов... С. 108.

²⁰³ *Беляев И. Д.* Земский строй на Руси. СПб., 2004. С. 81.